

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Е. КУРЯЛОВИЧ

ОПЫТ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ ОДНОГО ЯЗЫКОВОГО ЗАКОНА *

В настоящей статье выдвигается идея о распространении некоторых закономерностей, наблюдаемых в истории языка, на другие семиотические области. Речь идет прежде всего о правиле, существенном для психических ассоциаций вообще и имеющем особое значение в тех случаях, когда знаки подвергаются воздействию контекста — материального и функционального. Характерные особенности языка (такие, как артикуляция и коммуникативная функция) так же, как и его конвенциональная природа, делают язык весьма выгодным объектом для подобных исследований, хотя сами эти черты и нивелируются при общей формулировке закона, который абстрагируется от материальной стороны знака и его специфических функций.

Начнем с нескольких примеров из истории языка, чтобы на их основе сформулировать необходимые общие понятия.

1. В семитских языках, как и в индоевропейских, прилагательное, выступающее нормально в функции определения, могло употребляться самостоятельно как *abstractum*. Ср. греч. *γαῖον*, *ἄλβον*, лат. *bonum*, *malum*; польск., русск. *dobro* (старая форма прилагательного среднего рода); исп. *lo rojo* «красный цвет, красное» (*rojo* «красный») и т. д. Можно, следовательно, сказать, что форма семитского прилагательного (в одних случаях мужского, в других — женского рода) была амбивалентна, например, араб. *hasanatum* «красивая» и «красота» (как *abstractum*). Такая форма имела первичное (основное) значение прилагательного и вторичное (обусловленное контекстом) значение *abstractum*. Атрибутивная функция была первичной потому, что *abstractum* имело редуцированную парадигму прилагательного, содержащую одну родовую форму с флексией, относящейся как к женскому, так и мужскому роду. Здесь возникало отношение иерархии, основанное на ниллюзии: сфера употребления *abstractum* (= всего лишь часть флексий прилагательного) включалась в сферу употребления прилагательного.

Обозначим отглагольное прилагательное от глагола *qatala* символом *qatal*. Парадигма глагола *qatala* (3-е лицо ед. числа) имеет в классическом арабском либо вокалические (*a*, *-at*, *-ā*, *-atā*, *-ū*), либо консонантные (*-nā*, *-lā*, *-īa*, *-ī*, *-ū*, *-tūm*, *-tūnnā*) окончания. Эти флексии соответствуют в целом прасемитскому состоянию.

В определенный момент в прасемитском произошло сокращение всех долгих гласных в закрытых слогах, например: *jaqūlu* «он говорит», *taqūlūna* «вы говорите» (муж. род), *taqūlūna* «вы говорите» (жен. род), *qūlū* «говори!» (жен. род), *qūlū* «говори!» (муж. род) и т. д. Краткая гласная в закрытом слоге могла, следовательно, интерпретироваться либо как краткая,

* Публикуемая статья Е. Куряловича напечатана в «Studia semiotyczne» (Warszawa — Warszawa — Kraków, 1970, стр. 23—29) под заголовком «Próba ekstrapolacji pewnego prawa językowego».

либо как сокращенная долгая. Иерархия этих двух форм зависела от сферы их употребления. Так, в приведенной выше парадигме *qatala*, *qatalita* и т. д. гласная во втором слове была либо краткой (*qatala*), либо амбивалентной (*qatalita*), т. е. сфера употребления краткости была больше, чем сфера долготы. При этом возникает отношение инклюзии (включения); см. рис. 1, где внутренний круг соответствует закрытым слогам с амбивалентным (в отношении количества) вокализмом; вертикальной штриховкой обозначена сфера краткости, горизонтальной — сфера долготы.

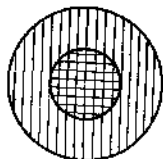

Рис. 1

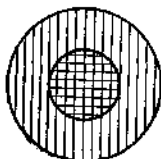

Рис. 2

Отношение инклюзии связывает отглагольное прилагательное с кратким вокализмом *qatal* и другой отглагольный дериват *qatal*, который может быть образован благодаря амбивалентности долготы — краткости гласных в глагольных формах с закрытым слогом (*qatalta*, *qatalutum* и т. д.) Соответственно иерархии между кратким и долгим вокализмом *qatal* (с кратким гласным) репрезентует первичную звуковую форму, а *qatal* (с долгим гласным) — вторичную.

Таким образом, как на звуковом уровне, так и на уровне значения создается иерархия (опирающаяся на отношение инклюзии) между первичной и вторичной функцией, между первичной и вторичной звуковой формой:

	Первичная функция	Вторичная функция
Первичная звуковая форма	прилагательное с краткой гласной	abstractum с краткой гласной
Вторичная звуковая форма	прилагательное с долгой гласной	abstractum с долгой гласной

Функциональная (семантическая) амбивалентность сочетается здесь с амбивалентностью звуковой. На определенном этапе нейтрализация вокализма была использована для того, чтобы закрепить за каждой функцией особую звуковую форму (дифференциация).

Первичная функция (прилагательное) получила первичную звуковую форму, т. е. форму с краткой гласной *qatal*. Вторичная функция (abstractum) стала выражаться вторичной звуковой формой с долгой гласной *qatal*. Вторичная функция, т. е. значение abstractum, которое до сих пор было обусловлено контекстом, становится теперь автономным, приобретает особый грамматический показатель — удлинение гласной второго слога.

Таким образом, устанавливается связь между первичной функцией и первичной звуковой формой и между вторичной функцией и вторичной звуковой формой.

2. В греческом сложные слова, вторым элементом которых является основа на -г или -н, часто заменяют во флективной морфеме гласный *e* на гласный *o*. Например, $\alpha\tau\epsilon\rho$: $\beta\rho\alpha\text{-}\alpha\tau\epsilon\rho$ «имеющий того же самого отца»; $\mu\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho$: $\beta\rho\alpha\text{-}\mu\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho$ «без (не имеющий) матери»; $\phi\rho\acute{\omega}\nu$ «ум»: $\beta\rho\alpha\text{-}\phi\rho\acute{\omega}\nu$ «думающий так же»; $\beta\rho\alpha\text{-}\phi\rho\acute{\omega}\nu$ «без (не имеющий) разума».

Семантическая функция сложных слов с существительным в качестве второго члена могла быть двойкой. Основное (первичное) значение соответствовало значению второго члена, т. е. **čmo-pátro* должно было прежде всего означать «тот же самый (идентичный) отец». Однако эти сложения могли употребляться и в качестве прилагательных, определяющих «эксцентрически» другое существительное. Ср. например, в польском *biato-głowa* как прилагательное к *kobieta, baba* и т.п.; в этом случае сложное слово *biatogłowa* означало не «голова», а «женщина» в отличие от словосложения *żuoprot* «забор». Следовательно, сложные слова с существительным в качестве второго компонента амбивалентны: их первичная (основная) функция была «эндоцентрической» (т. е. субстантивной), как и функция второго компонента в независимом употреблении), а вторичная (подчиненная) была «эксцентрической» (т. е. атрибутивной). Между этими двумя функциями существовали отношения и к л ю з и н: в изолированном употреблении второй компонент имел только значение существительного.

Определенные звуковые изменения, относящиеся еще к доисторической (индоевропейской) эпохе, обусловили звуковую амбивалентность некоторых падежных форм существительных типа *patēr*. В род. падеже ед. числа *patēros*, дат. падеже ед. числа *patrī* выпадение гласной между *т* и *р* (гласной, которая появляется в *patēros*, *patērēs* и т. д.) могло интерпретироваться и как выпадение *е*, и как выпадение *о*, поскольку первоначально существительные на -*tor* (как *dōtor*, 'Ежтор') также устранили гласные между *т* и *р* в род., дат. падежах ед. числа. Таким образом, при наличии форм *patēros*, *patērēs* и т. д. формы типа *patrōs*, *patrī* представляли собой в качестве первичных синкопу формы *patēr-*, в качестве вторичных — синкопу формы *patr-* (отношение инклюзив), см. рис. 2, где внутренний круг соответствует род., дат. ед. числа с амбивалентностью синкопированной гласной; вертикальной штриховкой обозначена область гласного *е*.

Здесь также вторичная форма закрепились за вторичной функцией, поэтому из **čmo-pátro* получаем в эксцентрической функции *čmo-pátros* (со значением *čmo-pátros*) «имеющий того же отца».

3. В литовском так же, как и во многих других языках, некоторые глаголы обнаруживают г р а м м а т и ч е с к у ю амбивалентность следующего рода: в одних случаях они имеют одновременно значение непереходности и каузативности, подобно франц. *sortir* «выходить» и «выводить», *descendre* «сходить вниз» и «спускаться» или англ. *to stop* «останавливаться» и «останавливать что-л.», *to shake* «дрожать» и «трясти» и т. д. В других случаях такие глаголы могут обозначать и непереходное действие, и состояние, подобно лат. *tacere* «замолчать» и «молчать», греч. *νικῶ* «победждать» и «быть победителем», *φεύγειν* «убегать» и «жить в изгнании» и т. д. Во многих случаях такого рода различия в значениях выражаются в литовском с помощью унаследованного носового инфикса, например, *skriedžiu*, *skriesti* «поворачивать что-л.»: *skindū*, *skristi* «поворачиваться», *spiečiu*, *spiešti* «раскладывать что-л.»: *spintiū*, *spīsti* «ложиться, располагаться». С другой стороны: *miegu*, *miegoti* «спать»: *inchoativum -mingū*, *-migtī* «засыпать», *siučiu*, *siučasti* «быть в ярости»: *inchoativum siuntū*, *siūsti* «впадать в бешенство».

Были, однако, в литовском глаголы, к которым носовой инфикс не присоединялся, а именно те, корень которых оканчивался на *г*, *л*, *п*, *т* + согласный, например: *vert*, *tenk*, *temp*. Если глаголы с таким корнем были амбивалентны, то соотношение каузативной и непереходной функций (соответственно: значения состояния и значения действия) устанавливалось у них по образцу тех глаголов, где обе эти функции имели собственное выражение. Как показывает направление деривации глаголов с носовым инфиксом, непереходный глагол с носовым инфиксом восходил либо к кау-

зативно-переходному глаголу (например, *skriūdū* «поворачиваюсь» < < *skriedžū* «поворачиваю что-л.»), либо к глаголу (непереходному) состояния (например, *siūtū* «впадаю в бешенство» < *siučū* «я взбешен»).

Следовательно:

φ_1 (первичная функция) каузативность-переходность: φ_2 (вторичная функция) непереходность.

φ_1 (первичная функция) состояние: φ_2 (вторичная функция) действие.

Эта иерархия функций была обязательным, хотя и недостаточным условием дифференциации у глаголов, которые из-за характера своей основы не могли давать производных с носовым инфиксом. Дифференциация оказалась возможной только благодаря тому, что возникла амбивалентность некоторых групп согласных.

Начиная с определенного момента доисторического периода консонантная группа *st* могла быть результатом соединения корня на *t* (*d*) с суффиксом или флексией, начинающейся на *t* или *st*¹. Следовательно, форма типа *virstas* (страдательное причастие прошедшего времени несовершенного вида от *verčū* «поворачиваю») в отличие от таких форм, как *liktas*, *girtas* (страдательные причастия прошедшего времени несовершенного вида от *liekū* «оставляю», *giriū* «люблю»), была в звуковом отношении амбивалентной, причем первичной была, судя по *liktas*, *girtas*, трактовка *virt-as*, а вторичной — *virt-stas*. Точно так же и инфинитивы *likti*, *girti* при *virsti* позволяют предполагать амбивалентность последней формы (*virt-ti* или *virt-sti*).

Соотношение *virt-t-as*: **virt-st-as** повлекло за собой в презенсе *virstū* наряду со старой формой *verčū*, причем вторичная функция (интранзитивная) соединилась с вторичной формой *-st-*. Подобно этому *verkiū* «я плачу» (состояние): *virktū* «расплакаться» (*inchoativum*). Такого происхождения формы настоящего времени с суффиксом *-st-*, обозначающих непереходное действие в противоположность каузативным формам, с одной стороны, и глаголам состояния, с другой.

4. Польский пример. Различие, подобное русск. *знаю* и *узнаю* (настоящее время: будущее время), должно было в польском исчезнуть уже хотя бы по причине стабилизации ударения в слове. К этому присоединились контракции: группа *-aje* подверглась стяжению в *a* (первоначально долгое). Отсюда, например, *roznać*, *rozna*, *roznamu*, *roznaćcie*. Контракция не было в форме 3-го лица мн. числа, которая звучала и звучит *roznąją*.

В формах *roznać*, *rozna* и т. д. гласный *a* был амбивалентен: он мог манифестировать просто гласный *a* или же контракцию группы *aje*. В то же время имела место и функциональная амбивалентность. Формы *roznać*, *rozna*, *roznamu*, *roznaćcie* после исчезновения акцентных различий (и контракции) имели значение как настоящего, так и будущего времени. Инклюзия в данном случае проявлялась в том, что презенс в принципе выражает вневременное действие, тогда как *futurum* означает будущее действие. Таким образом, презенс был первичной функцией польской парадигмы, а *futurum* — вторичной.

Следовательно, в определенный момент возникла иерархия на основе инклюзии в отношении как звуковой формы, так и семантической функции.

¹ И соответственно (*s, š, ž, sk, zg, šk*) + *t* и (*s, š, ž, sk, zg, šk*) + *st* одинаково давали *st, št, žt, kst, gzt, kšt*.

² Мы не хотим здесь вдаваться в морфологические детали, рассмотренные нами в книге «The inflectional categories of Indo-Iranica» (Heidelberg, 1964, стр. 51). Структура формы презенса *virstū* выводится из пропорции *virt-t-as*: *virt-st-as* = *virt-t-*: *virt-st-*. Но *virt-t-*: *virt-st-* равно *verč-*: *virst-* (отсюда *verčū*: *virstū*), поскольку отделение суффикса *t* в форме причастия восстанавливает глагольный корень в его основной форме (выступающей в презенсе).

По отношению в форме 3-го лица мн. числа *-aję* амбивалентность *a* в *rozszaz*, *rozszia* и т. д. интерпретировалась следующим образом: первичная звуковая форма *aje*, вторичная — *a*. Что же касается семантической функции, то здесь иерархия вытекала из соотношения презенс (нейтральное, немаркированное): футурум (маркированное). Результат — закрепление *aje* за настоящим временем, *a* — за будущим:

	Prezens	Futurum
3 л. ед. ч.	<i>rozszaje</i>	<i>rozszia</i>
1 л. мн. ч.	<i>rozszajemy</i>	<i>rozszamy</i>
3 л. мн. ч.		<i>rozszaję</i> (амбивалентна) ³ .

Примеры, подобные приведенным здесь, можно легко умножить, причем следует заметить, что традиционные объяснения в исторических грамматиках с методологической точки зрения часто оказываются ошибочными. Опираясь на наши примеры, попытаемся формализовать и обобщить изложенное.

Пусть *f* обозначает звуковую форму (при этом речь может идти как об отдельной фонеме, так и о группе фонем, фонологическом признаке или просодеме), а φ — семантическую функцию. И *f*, и φ подвержены влиянию окружающего текста, или контекста. Для *f* это звуковой контекст, для φ — функциональный (семантический). В понятие функционального контекста входит и конституция, чего обычно нет в случае звукового контекста.

Чрезвычайно важным понятием является нейтрализация, в результате которой возникают отношения инклюзии и иерархии элементов языковой системы. Два элемента f_1 и f_2 могут при определенных условиях контекста подвергнуться нейтрализации, состоящей в том, что оппозиция $f_1 : f_2$ устраняется в этих условиях в пользу f_1 (f_1 выступает на месте f_2). См., например, появление глухой согласной на месте звонкой в исходе польских слов *tag* (*tak*), *Bug* (*Buk*) и т. д. Подобно этому и функциональные элементы могут нейтрализоваться в определенных условиях функционального (семантического) контекста, ср. нейтрализацию различия между несовершенным (φ_1) и совершенным (φ_2) видами в настоящем времени. Различие между *wybierał* (φ_1) и *wybierał* (φ_2), между *będzie wybierał* (φ_1) и *wybierze* (φ_2) устраняется в контексте настоящего времени в пользу φ_1 (*wybierał*).

Разумеется, условия нейтрализации звуковых форм и условия нейтрализации семантических функций не зависят друг от друга.

Нейтрализация создает отношение инклюзии: f_1 и φ_1 появляются за пределами той зоны, в которой они отличаются от f_2 гезр. φ_2 (или: в которой им противопоставляется f_2 гезр. φ_2). Инклюзия влечет за собой иерархию: f_1 и φ_1 — нейтральные, или немаркированные, члены, f_2 и φ_2 — маркированные члены оппозиции $f_1 : f_2$ гезр. $\varphi_1 : \varphi_2$.

Пусть форме f_1 соответствует функция φ_1 и φ_2 , т. е. пусть форма f_1 в определенных контекстах имеет вместо функции φ_1 (первичной) вторичную функцию φ_2 . Если теперь в каком-либо контексте наступит нейтрализация f_1 с каким-то иным звуковым элементом f_2 (в пользу f_1), то это приведет к дифференциации $f_1\varphi_1 : f_2\varphi_2$, т. е. к эмансипации функции φ_2 , которая получит собственный формальный показатель (звуковой) f_2 , тогда как до сих пор она была контекстуально обусловленной вторичной функцией формы f_1 .

По отношению к $f_1\varphi_1$ комбинации $f_1\varphi_2$ и $f_2\varphi_1$ могут быть сочтены комбинаторными вариантами (либо функциональными, либо звуковыми), но со-

³ Оппозиция окситонезы и баритонезы, засвидетельствованная в русском, была таким образом заменена оппозицией между формами без стяжения и формами со стяжением (за исключением 3-го лица мн. числа).

единение f_2 с φ_2 создаст новый знак. Сочетание обоих обуславливающих контекстов, функционального и звукового, делает невозможным отождествление $f_2\varphi_2$ с $f_1\varphi_1$.

Важность сформулированного положения не ограничивается языковыми знаками. Оно сохраняет свое значение в случае (относительно) устойчивых ассоциаций, т. е. для любых знаков (предполагающих устойчивые ассоциации)⁴. Чтобы подтвердить общий характер этой закономерности, было предложено несколько элементарных экспериментов, которые в настоящее время проводит проф. В. Шевчук в Институте психологии Ягеллонского университета (Краков).

Испытуемому показывают несколько цветных геометрических фигур (например, желтый квадрат, белый эллипс, розовый треугольник, серый круг и т. д.), повторяя показ до тех пор, пока не образуются относительно устойчивые ассоциации определенной геометрической формы с определенным цветом.

Различия между фигурами при некоторых условиях могут быть нейтрализованы, например, круг, рассматриваемый под углом, может быть воспринят как эллипс («контекст угла»). С другой стороны, существует возможность нейтрализации различия между цветами, например, восприятия серого цвета как белого на черном фоне («контекст фона»). Обозначим через $f_1/2$ геометрические фигуры, которые в определенном контексте нейтрализуются в пользу f_1 . Обозначим через $\varphi_1\varphi_2$ цвета, которые в определенном контексте испытывают нейтрализацию в пользу φ_1 . Эксперименты ставят своей целью показать, что $f_1\varphi_2$ (в контексте фона, нейтрализующего различие $\varphi_1 : \varphi_2$) и $f_2\varphi_1$ (в контексте угла, нейтрализующего различие $f_1 : f_2$) отождествляются испытуемым с $f_1\varphi_1$, в то время как $f_2\varphi_2$ (при двойном контексте нейтрализации) отличаются от $f_1\varphi_1$. В двух первых примерах ($f_1\varphi_2$ и $f_2\varphi_1$) нейтрализация осознается испытуемым, делаящим (на основании f_1 resp. φ_1) выбор в пользу немаркированного члена, т. е. в пользу первичной «формы» (φ_1 resp. f_1). В последнем случае ($f_2\varphi_2$) сочетание обоих контекстов не позволяет отождествить комбинацию $f_2\varphi_2$ с $f_1\varphi_1$.

Переведено с польского С. М. Толстая

⁴ Единственным ограничением является постулат, что материальный знак и его функция подвержены воздействию контекстов, материального и функционального, влекущему за собой нейтрализацию.